

Традиционная материальная и духовная культура пятимиллионного татарского народа получила широкое освещение в книге «Татары Среднего Поволжья и Приуралья» (редакторы Н. И. Воробьев и Г. М. Хисамутдинов), подготовленной коллективом научных сотрудников Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова АН СССР.

По количеству разнообразных сведений о культуре и быте различных групп татар эту монографию можно назвать энциклопедией татарской этнографии. Здесь и история формирования татарского народа, и подробная характеристика хозяйства и материальной культуры. В книге впервые публикуются обобщенные сведения об общественных и семейно-родственных отношениях, духовной культуре и народном творчестве татарского народа.

Татары Среднего Поволжья и Приуралья, по численности занимающие пятое место среди народов Советского Союза, неоднородны по своему составу. Они подразделяются на две основные этнические группы: казанских татар и татар-мишарей. В их составе имеются более мелкие подразделения (кряшены, касимовские, нохратские и др. среди казанских татар; ульяновские, мордовские, темниковские и др. среди мишарей). Происхождение всех этих групп связано с длительной и сложной историей формирования татарского народа.

По этнографии татар существует большая литература, относящаяся как к дореволюционному периоду, так и к советскому времени. Однако большинство работ посвящено анализу материальной культуры. Вопросы же общественных и семейно-родственных отношений, богатой духовной культуры народа почти не освещались в этнографической литературе. Неизученными оставались и многочисленные этнические группы татар.

Не было и сводной монографической работы, где подводился бы итог изучению всего того огромного фактического материала, который был накоплен по традиционной этнографии татарского народа.

В рецензируемом труде делается первая попытка охарактеризовать все стороны материальной, социального и духовного быта основных групп татар Среднего Поволжья и Приуралья, проследить историю формирования различных элементов культуры на протяжении длительного исторического периода и показать изменение их в зависимости от социально-экономических условий.

Авторы избрали при этом правильный путь: в основу изучения положена материальная и духовная культура ведущей группы татар — казанских. Особенности же остальных групп даны на этом сравнительном фоне. Основное внимание отводится показу наиболее характерных для той или иной этнографической группы черт культуры.

Раздел I («Общие сведения») состоит из трех глав: «История формирования татарского народа», «Краткий исторический обзор» и «Расселение и численность»), написанный Н. И. Воробьевым, содержит много впервые публикуемых сведений по демографии и расселению татарского народа. На наш взгляд, более целесообразно было бы начать раздел с краткого историографического обзора. В этом разделе, где дан подробный обзор основной литературы по этнографии татар, хотелось бы видеть такой же детальный обзор и основных этнографических источников. К сожалению, о них, так же как и о методике сбора этнографических сведений о татарах, автор не говорит ни слова. Нет также не только обзора, но даже и упоминания об этнографических экспедициях, о районах и маршрутах их работы и т. д.

Глава «История формирования татарского народа» в основном правильно трактует проблему происхождения татар Поволжья и Приуралья. Ценной является мысль о том, что «основными предками татар Среднего Поволжья и Приуралья явились многочисленные кочевые и полукочевые, в большинстве тюркоязычные племена, которые приблизительно с IV в. н. э. стали проникать с юга-востока и юга в лесостепную часть от Урала до верховьев р. Оки, постепенно ассимилируя здесь древних аборигенов» (стр. 9). Действительно, полученные в последние годы новые, преимущественно археологические и палеолингвистические материалы, так же как и некоторые этнографические наблюдения, заставляют значительно «удревнить» время появления в крае тюркоязычных предков татар. Вероятно, эта древняя тюркоязычная основа, многократно обогащавшаяся за счет новых включений, и составила тот фундамент, на котором возникли и развились отдельные группы татар Поволжья и Приуралья, в том числе и ведущие группы — казанские татары и татары-мишари.

После присоединения края к Русскому государству в 1552 г. земли бывшего Казанского ханства стали заселяться русскими. Царское правительство, проводя жесткую русификаторскую политику, оттесняло татар из мест их первоначального расселения. Татары уходили в глубинные районы Поволжья и Приуралья, где у них постепенно складывались тесные экономические и культурно-бытовые отношения с жившими там народами (преимущественно тюркоязычными). Так образовались некоторые позднейшие этнические группы татар: тейтяри на территории Башкирии и северо-востоке Татарской АССР, каргалинские татары вокруг Оренбурга и т. д.

К сожалению, в рассматриваемой главе происхождение татар-мишарей фактически отрывается от происхождения казанских татар. Если последние определяются как непосредственные потомки тюркоязычного населения Волжской Булгарии, то первые в большей степени увязываются с золотоордынскими татарами, якобы переселившимися в XIII—XIV вв. с низовьев Волги (стр. 11). Однако этот вывод, не подтвержден-

ный никакими материалами, может рассматриваться лишь в качестве одного из недоказанных предположений. Между прочим, это понимает и сам автор, который считает возможным выделить в этносе и культуре мишарей и более древние, домонгольские пласты. Действительно, значительная близость быта, культуры и языка казанских татар и мишарей заставляет считать, что она имеет гораздо более глубокие корни и скорее всего связана с общностью происхождения обеих групп. Наличие на территории расселения мишарей древнетюркских памятников, в том числе и булгарских поселений домонгольского времени, при отсутствии каких-либо фактических сведений (письменных, археологических и т. п.) о массовых переселениях золотоордынских татар на север позволяет считать, что в своей основе татары-мишари представляют значительно более древнее этническое образование. Показательно в связи с этим резкое различие антропологического типа татар-мишарей (европеоиды понтийского типа) и татар Золотой Орды (монголоиды центральноазиатского типа). К сожалению, при построении схемы происхождения татар авторы монографии почти совершенно не учитывали материалы по антропологии, языкознанию, археологии. Их привлечение, возможно, позволило бы избежать отмеченных выше слишком прямолинейных суждений о татарском этногенезе. Это относится и к проблеме происхождения татар Приуралья, которые рассматриваются как результат позднего переселения, и касимовских татар, определяемых потомками ногайцев, и других групп татар (нохратские, бартымские и т. п.). Антропологическая характеристика татар, хотя бы в самом схематическом виде, нигде не дана. Устарели также и приведенные в книге археологические сведения. Так, на стр. 9 отмечается, что «на территории ТАССР из 38 городков домонгольского периода в Предкамье известны только 3 городка (скорее замка) булгарских феодалов, а в Предволжье — всего три». К 1965 г., т. е. к моменту написания книги, на территории ТАССР было известно 75 булгарских домонгольских городищ, в том числе 5 в Предкамье и 15 в Предволжье.

Раздел II («Хозяйство и материальная культура татар», состоит из четырех глав: «Занятия и промыслы», «Поселения и жилища», «Одежда и украшения» и «Пища»), написанный также Н. И. Воробьевым, представляет несомненный шаг вперед по сравнению с изданной в 1953 г. его книгой «Казанские татары». В разделе показывается выскоразвитая и самобытная материальная культура не только казанских татар, но и татар-мишарей. Отмечается устойчивый земледельческо-ремесленный характер быта и культуры татар, сохранивших значительные элементы городской культуры.

Наряду с этим во II разделе фактически не содержится сведений о характерных особенностях хозяйства и материальной культуры татар Приуралья (Башкирии, пермских и нохратско-глазовских). При описании занятий и промыслов, поселений и жилищ, пищи почти не привлекается сравнительный материал по другим народам. В результате своеобразие этнографической культуры татар по существу не показано. В несколько выигранным положении находится в этом отношении глава «Одежда и украшения». Здесь характерные черты татарской одежды и украшений сопоставляются с аналогичными чертами местных финно-угорских и некоторых других тюркоязычных народов. Но и в этой главе использованный для сопоставления материал обычно не анализируется. Поэтому нередко остается неясной проводимая этнографическая параллель. Так, например, отмечается, что «шейные украшения татарок в массе близки к таковым у соседних народов финно-угорской языковой группы» (стр. 160). Констатируя этот факт, автор им ограничивается и не указывает, в силу каких причин возникла эта близость. Является ли это результатом воздействия финно-угорской среды или же наоборот?

В большом III разделе «Общественные и семейно-родственные отношения» впервые в советской исторической литературе излагаются сведения об общественных отношениях татар (глава VIII — автор Г. М. Хисамутдинов), их семейно-родственных отношениях (глава IX — авторы А. А. Загадуллин и Р. Г. Мухамедова) и народных праздниках (глава X — автор Р. Г. Кашафутдинов).

На богатом фактическом материале Г. М. Хисамутдинов раскрывает процесс формирования общественных отношений у татар в дооктябрьский период. Интересны и оригинальны мысли автора о характере феодальных отношений у татар, о своеобразных группах зависимых людей типа «чура», которые Г. М. Хисамутдинов правильно рассматривает в качестве чужеродцев (рабов или военнопленных), посаженных на землю. Чрезвычайно любопытны в связи с этим широкие параллели в фольклоре народов Поволжья (шурале, арчури и т. п.).

Большой интерес вызывает прослеженный у большинства групп татар институт джененов, или сельских общин. Детальное изучение характера и распространенности джененов позволило автору высказать ряд важных замечаний о родо-племенной их основе, о существовании джененов еще во времена Волжской Булгарии и Казанского ханства, о специфичности формы общинной организации для тюркоязычных народов. Характерно, что джененная организация в той или иной форме зафиксирована в большинстве случаев лишь у народов лесостепной зоны, тогда как у монголов, а через них и у татар Золотой Орды эта система носила иной облик и имела название улусов, не свойственных для татар Поволжья и Приуралья.

При дальнейшем изучении джененов необходимо произвести сопоставление их названий и территориального размещения с соответствующим материалом по татарским семейным родословиям — шаджарэ. К сожалению, эти очень любопытные и весьма ха-

рактельные для тюркоязычной среды источники — шаджарэ — совершенно не использованы в рецензируемой монографии. Более того, о существовании такого интересного для исследования вопроса об общественных отношениях у татар источника в книге ни разу не упоминается.

Хорошее впечатление оставляет глава IX «Семейно-родственные отношения», достаточно колоритно рисующая свадебные обряды различных групп татар, приниженное положение татарской женщины до революции и некоторые стороны семейного воспитания. Исключительно богатый и интересный материал содержит заключительная часть главы — это обширная сводка терминологии родства и свойства у татар. Детальный анализ свадебного ритуала у ведущих групп татар позволяет сделать выводы о существенном различии его у казанских татар и татар-мишарей. Правы авторы и в том, что это различие выработалось в условиях разной культурно-экономической среды. Однако последняя мысль остается недоказанной, так как не приводятся конкретные параллели в свадебном ритуале той и другой этнической группы.

Р. Г. Мухамедова подробно рассмотрела терминологию родства и свойства. Все термины сведены в специальную таблицу. Приведенный сравнительный анализ терминов родства и свойства различных групп татар дал возможность сделать предположение, что в прошлом для обозначения степени родства у всех групп и подгрупп татар имелись специальные термины, которые с течением времени утратили значение родственных терминов и стали употребляться лишь в качестве форм обращения между родственниками разных степеней родства. В книге не ставилась задача выяснения древних форм семейных отношений, тем не менее приведенный материал может помочь выяснить отношения, некогда существовавшие между отдельными родственниками, т. е. поможет выяснить более древние формы семьи и брака.

Небольшой раздел посвящен народным татарским праздникам. Наиболее полно описан один из древнейших праздников татар — сабантуй. В противоположность некоторым авторам XIX в., считавшим сабантуй монгольским весенним праздником «обон», занесенным в Поволжье монгольскими завоевателями, автор данного раздела Р. Г. Кашафутдинов утверждает, что сабантуй в своей основе сугубо земледельческий праздник. Сравнительная характеристика сабантуя у различных групп татар и аналогичного праздника у соседних народов дала возможность сделать вывод о том, что сабантуй в древности был языческим праздником и был связан с земледелием. Рассматривая происхождение различных состязаний во время праздника, Р. Г. Кашафутдинов справедливо видит в них смешение элементов двух различных культур лесной, охотничье-земледельческой, и степной, кочевнической, которые, как известно, и составили основу культуры татарского народа.

В то же время трудно согласиться с мыслью автора, что сабантуй был праздником весеннего сева или яровых (стр. 93). Прежнее определение сабантуя как праздника пашни, праздника плуга, на наш взгляд, более правильно. Действительно, и у татар (сабантуй), и у марийцев (ага-парем), и у удмуртов (гырны-поток) этот праздник всегда совершался после весенней пахоты и носил название праздника плуга или сохи, иногда праздника пашни.

Большой раздел книги посвящен духовной культуре и народному творчеству. Здесь дана характеристика народных знаний, которые явились результатом повседневной практической деятельности многих поколений, а также описаны различные верования, музыка, народное изобразительное искусство.

Многие стороны традиционной духовной культуры татар (космогонические представления, народный календарь, народные приметы о погоде, народная медицина, пережитки языческих верований, просвещение и культура дореволюционного периода) нашли отражение в обширном разделе, написанном Г. В. Юсуповым и Г. М. Хисамутдиновым. Богатый и разнообразный материал, значительная часть которого впервые опубликована в печати, показывает глубокие истоки культуры татарского народа.

Интересно написан раздел о татарском фольклоре, в котором нашли преломление думы, стремления и чаяния народа, отразились особенности хозяйственной жизни предков татар, обряды и обычаи далекого прошлого, религиозные воззрения патриархально-родового и раннефеодального общества. В разделе дан анализ свадебных песен, татарских пословиц, загадок, народных сказок. Особое место уделено рассмотрению байтов, повествующих в эпическом жанре о больших исторических событиях или отдельных эпизодах. Приводятся примеры байтов, в которых говорится о патриотизме народов России и их единстве, о тяжелой жизни трудящихся, их борьбе за счастливую жизнь, о героях, погибших в этой борьбе. Особенно выразительны байты, в которых создан образ татарской женщины, лишенной в прошлом всяких прав, вынужденной жить по реакционным законам шариата. В работе рассмотрено много солдатских и рекрутских песен, песен о тяжелом положении крестьян, батраков, рабочих, любовных песен и др. Весь раздел о фольклоре, написанный Х. Х. Ярмухаметовым и Ф. Урманчевым, наглядно показывает длительный и сложный путь развития народа, говорит о конкретных событиях, происходивших в различные исторические периоды.

К сожалению, этот раздел написан без характеристики народного поэтического творчества отдельных групп татар. Ни слова не говорится также и о своеобразии татарского фольклора, о его близости или различии с народным творчеством других тюркоязычных народов. Нельзя почерпнуть из этой главы и сведений по истории формирования тех или иных жанров и т. п.

Значительно более историчными являются главы о народной музыке (автор М. И. Нигометзянов) и о народном изобразительном искусстве (автор Ф. Х. Валеев). Здесь наряду с показом богатой культуры народного музыкального и изобразительного творчества приводится обильный исторический материал, по которому можно судить об истоках и путях развития не только культуры, но и этнической психики татарского народа.

В рецензируемом труде имеются, на наш взгляд, и некоторые общие недостатки. Мы отмечаем, что книга посвящена изучению традиционной культуры народа, которая сложилась ко времени Великой Октябрьской социалистической революции. Авторы справедливо считают, что характеристике современной культуры должна быть посвящена специальная работа. Тем не менее было бы желательно и в данном исследовании кратко дать некоторые основные изменения в направлении развития культуры народа в настоящее время. К этому обязывает и название книги. Правда, в работе это иногда делается, но очень неравномерно, без единой системы и далеко не во всех разделах. Книга значительно выиграла бы, если бы больше внимания было уделено этногенетическим вопросам, вытекающим из анализа приведенного в книге этнографического материала. Кроме того, описание ряда элементов культуры нередко дается в работе без сравнительной характеристики соответствующих элементов у других народов. Это не дает возможности авторам делать более широкие выводы и обобщения, связанные с происхождением того или иного элемента культуры, и показать культурно-исторические связи татар с другими народами.

Большим недостатком является слабая иллюстративная часть книги. Например, в разделе, характеризующем сельскохозяйственную технику, приведен лишь рисунок сабана (по Лепехину), относящийся ко второй половине XVIII в., а разнообразие традиционные средства передвижения татар не иллюстрированы вовсе. Как известно, в этнографических работах иллюстрации имеют значение не менее важное, чем текст. Обедняет книгу и отсутствие цветных врезок. Этот упрек мы адресуем как авторам, так и издательству, которое часто забывает о специфике этнографических изданий. Никакое самое красочное описание не может передать неповторимого впечатления от татарского национального орнамента, яркости национальных головных уборов, ичегов, различных украшений.

В целом выход в свет книги «Татары Среднего Поволжья и Приуралья» — крупное событие не только в научной и культурной жизни Татарской АССР, но и всего многонационального Поволжья. Введенный в научный оборот новый обширный материал поможет этнографам, археологам, языковедам, историкам и др. более успешно решать сложные вопросы этногенеза. Книга с большим удовлетворением будет принята и массовым читателем. Знакомясь с книгой, проникаешься чувством глубокого уважения к таланту народа, который, несмотря на века угнетения, создал богатую, самобытную культуру, развил ее лучшие прогрессивные черты и в этих национальных формах строит сейчас социалистическую культуру.

Е. П. Бусыгин, А. Х. Халиков

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

«Arbeit und Volksleben», «Veröffentlichungen des Instituts für mitteleuropäische Volksforschung an der Philipps-Universität Marburg/Lahn», Bd. 4, Göttingen, 1967, 442 S.

В сборнике опубликованы доклады, прочитанные на состоявшемся в апреле 1965 г. в Марбурге-на-Лане (ФРГ), конгрессе Немецкого этнографического общества (Deutsche Gesellschaft für Volkskunde).

Из предисловия президента Общества известного западногерманского этнографа проф. Герхарда Хейльфурта мы узнаем, что в конгрессе, помимо ученых ФРГ и ГДР, приняли участие гости из 22 стран Европы, Азии и Америки. Всего в конгрессе участвовало 476 делегатов.

Организаторы конгресса преследовали две цели: во-первых, оживить исследовательскую деятельность комиссий, существующих в рамках общества, и, во-вторых, объединить участников конгресса, работающих в различных областях этнографии и фольклора, общей темой (в качестве таковой была избрана проблема «Значение труда для человеческого общества»).

На конгрессе работало 8 секций. Доклады этих секций составили соответствующие разделы сборника: «Жилище и поселения» (стр. 17—96); «Орудия» (стр. 97—163); «Народное искусство» (стр. 155—205); «Языковедение» (стр. 207—249); «Народная проза»